Людмила Саницкая

ПОД ЗНАКОМ ВОДОЛЕЯ

* * *

К истоку, к бьющему из почвы роднику,
Младенчески прозрачному вначале,
Где травы свежие, а детские печали
Ещё не слиты в серую тоску!

Жизнь – что ручей, что малая река –
Течёт и тает в море-океане…
Но обернуться тянет непрестанно
Назад, к истоку, к струям родника.

ЛЕРМОНТОВУ

«Люблю отчизну я...»
М.Ю. Лермонтов

Под взглядом его сумрачных очей
С холста хрестоматийного портрета
Подумалось – уж лучше быть ничьей,
Чем юною возлюбленной поэта,
Чей дар был тёмным пламенем страстей
И гордости сродни греху гордыни,
И вольности, столь редкостной
доныне
Среди сословных правил и затей,
Чьи крылья уносили к небесам,
А разум знал сражение и тризну...
Кто так любил – за что, не знал и сам –
Свою многострадальную отчизну.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Ветшает наш писательский приют.
И ниже прежней кажется ограда…
Но сосны здесь до неба достают,
И так же бел рисунок балюстрады.

В пространстве своего полукольца
Она, как прежде, выслушать готова
И откровения титана и творца,
И строки малые отеческого слова.

Ветшает Дом, но всё светло крыльцо,
И так же он отогревает сердце,
Как навсегда любимое лицо,
В которое глядеть – не наглядеться.

КАРЕТА НА БУЛЬВАРЕ ЯНА РАЙНИСА

По улице, широкой, как река,
Хранящей имя Райниса-поэта,
Как в сказке, белоснежна и легка,
Плыла великолепная карета.

Две лошади ступали впереди –
Медлительны и безупречно белы.
И не спешил дорогу перейти
Прохожий, изумлённо-оробелый.

Внутри, в полупрозрачной глубине,
Угадывались две счастливых тени.
Казалось, как в кино или во сне,
Одна из них стояла на коленях…

А экипаж – мираж, виденье, миф –
Катил неспешно к Братцевской усадьбе.
И женщина, покупки уронив
И молодея, прошептала – Свадьба!..

* * *

Не пишем писем.
Запираем двери.
С опаской пробегаем темноту.
Врагам скорее, чем друзьям, поверим.
Словами населяем немоту.
Родства не помним.
Чай не пьём с соседом.
Не различим, что храм, что суета...

А жизнь – возможна.
Тихая беседа.
Да детский смех.
Да милые уста.

БОЛЕЗНЬ

В сухом жару, под гнётом одеяла,
То погружаясь, то взлетая ввысь,
Душа с болезнью сосуществовала
И обретала странную корысть.

Как будто на краю иллюзии и яви,
На грани сна, похожего на бред,
На старом пляже
разноцветный гравий
Оберегает узкий влажный след.

Как будто двое, зелены и глупы,
Смеются громко, за руки держась...
И не от жара высыхают губы,
А просто – счастье,
молодость
и страсть.

* * *

Мне кажется, что ты меня любил.
Пусть не меня, но ту, что сочиняла
Другую жизнь, а этой изменяла
С бумагой, ручкой, с каплями чернил.

Тогда мы жили трудно, но светло.
А ручки, помню, были перьевые.
Чернильные, они почти живые!..
Мне их хотелось называть «стило».

Всю ночь с тобой была моя тетрадь.
Не я, всего лишь голос мой, но всё же...
Так это было на любовь похоже!
Так жаль, что не успел о ней сказать...

ЖАРКИЙ АВГУСТ

Земля – как холст в морщинах
кракелюр.
Сиена, умбра, уголь, терракота...
Размытый ветром дымный контражур.
Великой сушью нас карает кто-то.

И есть за что, и грешен этот свет,
И человек – наипервейший грешник!
Но, Боже правый, подари рассвет,
Где чистый дождь и вымокший
орешник!..

ДОЖДЬ В АВГУСТЕ

Какое счастье – дождь!
Меж небом и землёй
Блестящей нитью
жаркий воздух вышит.
И всё, что утром было дымной мглой,
Светлеет и живою влагой дышит.

Столпотворенье, плеск и суета,
Весёлый зов к побегу и участью!
Скорей туда, без туфель и зонта!
Дождь в знойном августе –
какое счастье!..

ОКТЯБРЮ

Я люблю этот месяц озябший,
Эту грусть листопадных дождей,
Эти листья, что за руки взявшись,
Укрывают асфальт площадей.
Свет раздумья и тихой печали,
Затаённый рембрандтовский свет...
Всё – любовь, у которой начала
И конца, как у родины, нет.

* * *

В полу-осени, в полу-зиме
неуютно, туманно, тревожно.
В этой ранней сырой полутьме
Улыбнуться почти невозможно.

То ли ноет какой-то недуг
и не знаешь – внутри ли, снаружи...
То ль недужен умолкнувший друг,
то ль весь мир напряжён и недужен.

Ноет совесть – судья и палач,
вспоминая грехи и просчёты...
Но – за стенкой – младенческий плач.
Но – рассвет. И звонок. И работа.

СВЯТКИ

Зима вошла. Она дышала паром.
По-королевски куталась в снега.
Над кружевным от инея бульваром
Повесил месяц жёлтые рога.

И, растворяя горести земные,
Текла в окошко лунная река.
А письмоносцы были выходные.
Для счастья не хватало пустяка...

* * *

Почти неизбежно прискорбно
приблизился бледный февраль.
Прискорбно, поскольку у горла
сезонный недуг, чья печаль
лишает особого вкуса
теченье кристального дня,
поскольку Марина в Тарусе
сегодня не встретит меня.
А я так давно собирала
в копилку насущных задач
холодную людность вокзала,
автобуса ржавого плач.
Весь день из недужного сплина,
как будто свершая обряд,
под пристальным взглядом Марины
бумажные клочья летят...

* * *

Хочу быть деревом узорным
Потом, когда иссякнет плоть
И перейдёт в кору и корни,
А глубь ствола украсит борть,
И будет прилетать с добычей
Трудолюбивая пчела...
Немного с ней у нас различий –
И я такою же была.

* * *

Живу под знаком Водолея,
травинку каждую жалея,
любуясь ею, чуть дыша...
Чего тебе ещё, душа?
Дождь муравьиною тропой –
весёлый, солнечный, слепой –
и детский голос родника
журчат: – Живи!
– Живу пока!..